

Линь Ляоляо вскочила и бросилась наутек, на ходу прикрывая лицо руками — позор-то какой! Стыд какой!

Опозориться перед женщиной, да еще перед такой красавицей — Линь Ляоляо была готова прыгнуть в котел с кипятком, лишь бы свариться заживо!

— Госпожа, та особа — сумасшедшая.

— Пожалуй, ты права.

Лу Сянь опустила полог кареты и тихо произнесла:

— Куда теперь направимся?

— Платье промокло, возвращаемся в поместье хоу.

Вспоминая случившееся, Лу Сянь едва заметно улыбнулась. Неизвестно, сумасшедшая та девица или нет, но то, что она изрядная охотница до мужского пола — это точно. Взгляд у нее был такой, словно она готова была проглотить ее целиком.

Впрочем, винить Линь Ляоляо было не в чем: красота Лу Сянь в Цзинду была притчей во языцех. Она сводила с ума не только мужчин, но и женщинам не давала прохода. Глядя на ее одеяние, можно было решить, что она чья-то служанка. Лу Сянь вдруг ощутила легкое сожаление: надо было спросить, из какого она дома. Чтобы так бесстыдно пялиться на нее, да еще с таким похотливым видом — в Цзинду она была первой.

— Погоди-ка!

Через мгновение дверь, висевшая на засове, распахнулась. Цзыжоу с изумлением уставилась на свою госпожу.

— Ты что здесь делаешь?

— Одежду вам подаю, госпожа.

Линь Ляоляо, продолжая мыться, бормотала что-то себе под нос.

— Понятно.

Цзыжоу промолчала. Она привыкла заботиться о каждом шаге своей госпожи, но, завязывая пояс, невольно разрыдалась.

— Матушка Вэй, госпожа...

— Как вообще надевается эта нелепая одежда?

— Госпожа?

Раздался грохот — Цзыжоу выставили за дверь. Она стояла перед плотно закрытой створкой, недоумевая: неужели я сказала что-то не то?

— Э-э, я... я сама справлюсь, иди. Помощь не нужна.

Линь Ляоляо с треском распахнула дверь. Она была вся в грязи, оглядела Цзыжоу и спросила:

— Есть вода? Хочу искупаться.

Служанки принесли бадью, залили несколько ведер кипятка, и в комнате сразу стало душно. Цзыжоу засучила рукава, проверила температуру воды и, решив, что все готово, позвала госпожу.

Побег не удался.

— Вы... вы что делаете?

— Госпожа...

— Какие еще визиты? Кто знает, когда я вообще вернусь в свой мир...

Цзыжоу отлучилась всего на минуту, чтобы заварить чай, а госпожа опять исчезла.

— Госпожа... вы... куда же вы ходили? — Цзыжоу увидела, что та натянула ее собственную одежду, которая была ей совсем не по размеру, и округлила глаза. — Вы... вы что, сбежать пытались?

— Цссс... Какая же ты бестолковая! Зачем бежать-то? Хоть бы имя спросила, чтобы потом в гости наведаться!

— Ох, и не говорите.

Линь Ляоляо погрузилась в бадью с головой. В голове вертелась та женщина из кареты. Кто она? Почему такая красивая? Есть ли у нее пара? Замужем ли? Неужели у такой уже есть дети?

— ...

Линь Ляоляо вспомнила, что в сериалах знатные барышни всегда моются в сопровождении служанок. Она посмотрела на свою плоскую грудь, потом на лицо Цзыжоу — девчонка выглядела такой наивной и чистой.

Нижняя рубаха и верхнее платье были надеты кое-как, даже пояс она умудрилась завязать неправильно.

— Госпожа... вы закончили?

По одному лишь выражению лица Цзыжоу Линь Ляоляо поняла, что снова села в лужу. На этот раз она не стала упрячиться — уметь признавать ошибки тоже нужно.

Она покачала головой.

— Так нельзя! Если я выйду, кто вам спину потрет, кто тело оботрет?

— Ну... это... я не умею одеваться, помогите мне... переодень меня.

— А ты знаешь, где в Цзинду живет одна невероятно красивая женщина?

— ...

— Поехали в квартал Канлэ.

— Госпожа, тише, не кричите.

— А что ты делаешь? — Линь Ляоляо резко отпрянула, уворачиваясь от руки Цзыжоу.

— Мыться помогаю.

— А сейчас разве не все равно? Спросила бы имя, что в этом такого?

— Цзыжоу...

Линь Ляоляо понимала, что та горюет по своей настоящей госпоже — Линь Цзиньхэ. За те дни, что она здесь провела, она кое-что узнала: родная мать умерла рано, отец не обращал внимания, лишь старая бабушка ее берегла. Теперь, пока бабушки не было дома, злобная мачеха нашептала отцу, чтобы тот отдал девушку старому евнуху во дворец. И отец, надо же, согласился.

Линь Ляоляо вздохнула. Линь Цзиньхэ была и правда в незавидном положении.

Раз уж попала сюда, придется приспособливаться. В любом случае, раз уж вернуться быстро не выйдет, лучше обосноваться здесь. Авось когда-нибудь и вернется.

— Судя по возрасту, она вряд ли замужем...

— ...

Старая госпожа Линь, получив весть в храме Байюнь, помчалась домой без оглядки. Когда она добралась до поместья Линь, старые кости едва не рассыпались. Не переводя дыхания, она бросилась прямо во двор Цзиньлань.

— Старая госпожа, вы вернулись!

Матушка Вэй и Цзыжоу разрыдались, наперебой рассказывая о случившемся. Старая госпожа тоже залилась слезами, обнимая Линь Ляоляо на кровати, и сердце ее разрывалось от боли.

— Моя Хэ'эр, бедная моя девочка!

Линь Ляоляо все поняла. Это была та самая бабушка, что оберегала Линь Цзиньхэ. И пусть она была самозванкой, но в носу предательски защипало. От старой госпожи пахло так же, как от ее собственной бабушки, которая так же обнимала ее в детстве, когда случались обиды.

— Бабушка... отец и матушка хотели отдать меня в наложницы старому евнуху... Я предпочла бы умереть, чем согласиться, поэтому и бросилась в реку. Напугала вас, бабушка.

Линь Цзиньхэ была очень миловидной, а ее огромные глаза вызывали жалость. Теперь, когда они покраснели от слез, у старой госпожи все внутри сжалось от боли.

— Не пойдешь! Хэ'эр останется с бабушкой! Никуда ты не поедешь!

— Нянюшка Тао!

— Я здесь, госпожа.

— Собери вещи, отведи внуку в зал Нинъань. Посмотрим, кто посмеет сунуться туда снова!

Линь Ляоляо чувствовала, как дрожит старая госпожа от ярости. И правильно: отдать родную дочь старому евнуху с извращенными наклонностями — такое никто не стерпит. Будь этот господин Линь ее сыном, она бы давно отходила его ремнем.

Зал Нинъань примыкал к двору Цзиньлань, их разделяла лишь стена. В правой части стены была прорезана лакированная красная дверь, которая обычно стояла настежь.

— Кто запер ее? — холодно спросила старая госпожа.

— Отвечаю госпоже, это сделала матушка Хэ из покоев главной госпожи, — всхлипывая, ответила Цзыжоу.

— Позвать людей! Сломать!

Не успели слова отзвучать, как матушка Вэй откуда-то притащила топор. Замахнувшись, она с силой ударила по замку — тот оказался хлипким и развалился на две части.

Весть о возвращении старой госпожи разлетелась мгновенно. Лю Хуэй не успела опомниться, как нянюшка Тао в сопровождении служанок уже была на месте. Пожилые служанки из зала Нинъань знали свое дело: в других вопросах они, может, и не были сильны, но вот приструнить кого-то — это они умели мастерски.

Лю Хуэй, сколько жила в поместье Линь, никогда не видела такого напора. Она оперлась на стол, пытаясь сохранить самообладание.

— Вы... что вы задумали? Я... я старшая невестка в доме Линь!

Нянюшка Тао оставалась невозмутимой, сложив руки перед собой.

— Госпожа, старая госпожа просит вас пожаловать к ней.

Затем она посмотрела на матушку Хэ, и ее спокойный взгляд вдруг стал свирепым.

— Взять эту наглую бабу!

— Есть!

Служанки набросились толпой. Как ни сопротивлялась матушка Хэ, через мгновение она была связана по рукам и ногам, словно сверток с рисом.

В зале Нинъань старая госпожа восседала на почетном месте. На столике курилась бронзовая курильница, выпуская тонкую струйку дыма. Она не произнесла ни слова, но одного ее вида было достаточно, чтобы внушить страх.

Вскоре появилась госпожа Лю.

— Матуш...

— Встать на колени.

Линь Ляоляо в это время подглядывала из-за ширмы.

— Бабушка такая величественная!

— Еще бы, в доме нет никого важнее старой госпожи, даже сам господин ее побаивается, — прошептала Цзыжоу. — Госпожа, пойдемте отсюда, а то заметят.

— Не сейчас... давай еще посмотрим. Столько лет терпели издевательства Лю Хуэй, надо же хоть раз сдачи дать!

Эти слова попали прямо в сердце Цзыжоу — уж слишком много горя им пришлось пережить.

— Нянюшка Тао, где господин? — спросила старая госпожа.

— Отвечаю госпоже, вчера он отправился в Академию Ханьлинь, сказал, что вернется через три дня.

— Дочь в наложницы отдают, а ему до Академии дела есть? Пошлите за ним! Скажите: мать вернулась, пусть бросает все дела и немедленно возвращается в поместье! Иначе эта старуха сама приедет в Академию и притащит его за уши!

— Слушаюсь.

Нянюшка Тао кивнула одной из служанок, и та поспешила прочь.

— Почему других называют матушками, а ее — нянюшкой? — Линь Ляоляо решила утолить свое любопытство.

— Госпожа, вы забыли? Нянюшка Тао пришла из дворца, в молодости была наставницей, ее положение выше остальных. Даже господин при встрече с ней проявляет уважение.

— О, понятно...

Только она закончила, как за ширмой снова раздался голос старой госпожи:

— Нянюшка Тао, дай матушке Хэ пощечин.

— Есть. — Нянюшка Тао собралась исполнить приказ, но обернулась: — Сколько ударов нанести?

— Пока господин не вернется, не останавливайся, — медленно произнесла старая госпожа.

— Слушаюсь.

Дальнейшее зрелище было не для слабонервных. Линь Ляоляо во все глаза смотрела, как губы матушки Хэ из красных стали фиолетовыми, а потом превратились в кровавое месиво. Сначала та еще молила о пощаде, а потом уже даже голову поднять не могла без посторонней помощи.

У Линь Ляоляо мурашки побежали по коже — оказывается, от пощечин и правда можно так разбить лицо.

Лю Хуэй стояла на коленях, не смея вымолвить ни слова. Она сама была в беде и могла лишь надеяться на скорое возвращение мужа.

Но что толку от его возвращения? Если бы Линь Сьюань был ответственным мужчиной, он бы не сбежал в такой ответственный момент.

В Академии Ханьлинь Линь Сьюань маялся от скуки и подумывал, где бы выпить, когда к нему подбежал слуга из поместья. Еще минуту назад он был совершенно безмятежен, а в следующую — чуть не свалился со стула.

— Что?! Матушка вернулась?!

— Да, велела бросить все дела и немедленно возвращаться!

Линь Сьюань пришел в ужас.

— Пропал... все пропало...

Он огляделся по сторонам, увидел чернильницу и, не раздумывая, выплеснул все содержимое себе на одежду.

<http://bllate.org/book/18628/1793573>